

Н. С. Прокурова

**ТЮРЕМНЫЙ ФОЛЬКЛОР В КНИГЕ С. В. МАКСИМОВА «СИБИРЬ И КАТОРГА»
(К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. МАКСИМОВА)**

В статье представлено исследование русским писателем С. В. Максимовым тюремного языка и фольклора, которые являются своего рода средством проникновения в души «заключенников русских тюрем». Статья адресована курсантам, студентам и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: тюрьма, каторга, арестанты, «несчастные», Морское ведомство, фольклор.

N. S. Proкурова

**PRISON FOLKLORE IN THE BOOK «SIBERIA AND HARD LABOR IN EXILE» BY S. V. MAKSIMOV
(TO THE 180TH ANNIVERSARY OF S. V. MAKSIMOV)**

In the article the author focuses on the research of prison language and folklore by S. V. Maksimov, the Russian writer. In some way they can be considered as a means of searching the souls of the Russian prisoners. The article is addressed to cadets, students, and a broad spectrum of readers.

Keywords: prison, hard labor in exile, prisoners, the miserales, the Naval Service, folklore.

В 2011 г. исполняется 180 лет со дня рождения и 110 лет со дня смерти замечательного русского писателя-этнографа, почетного академика Петербургской Академии наук Сергея Васильевича Максимова.

Еще в 40-е гг. XIX в. в литературной среде обозначился интерес к изучению жизни простого народа. Впоследствии возникло целое направление писателей-этнографов, «добровольных странников», исходивших пешком всю Россию. Первое место здесь принадлежало С. В. Максиму, проявившему большой интерес к изучению быта, обычаев, верований, языка родного народа и уже имевшему определенный исследовательский опыт.

Вдоль и поперек исходил и изъездил писатель родную землю. Исследовал Центральную Россию, побывал на Севере и Востоке, изучал природные условия Амурской области.

В начале 60-х гг. Максимов был направлен Морским ведомством в Сибирь для исследования тюрем, каторги и быта ссыльнопоселенцев. Главной задачей писателя-этнографа было выяснение причин, приводящих людей на каторгу, и изучение условий жизни в тюрьмах, на каторге,

на поселении. С присущим ему чувством ответственности Максимов сумел проникнуть во все уголки каторжной жизни. Он побывал в рудниках, ознакомился с условиями работы арестантов на заводах, изучил тюремные архивы, часто встречался с заключенными. В беседах с ними писатель выказывал им горячее сочувствие и относился к ним как к несчастным, а не как к преступникам. Арестанты, проникшись к нему большим доверием, приоткрывали тайные завесы острожной жизни.

Вернувшись в Петербург, Максимов приступил к обработке и систематизации того огромного материала, который он привез из Сибири. Результатом этого титанического труда явился его отчет, оформленный книгой «Тюрьма и ссыльные». Цензура признала работу опасной, поэтому она была издана тиражом в 500 экземпляров под грифом «секретно». В книге нашли отражение демократические тенденции периода общественного подъема в России. Публикация стала возможной лишь в конце 60-х гг.

Правда, в 1868 г. в «Вестнике Европы» печатались очерки из быта ссыльнокаторжных под

названием «Несчастные», а в 1869 г. «Отечественные записки» опубликовали ряд статей под общим заголовком «Народные преступления и несчастья».

«Публикацию в „Отечественных записках“ отличали от предыдущих сибирских работ С. В. Максимова систематизация материала, частое обращение к статистике и попытки научного обоснования выводов, — отмечает М. И. Щербакова. — Такую особенность „Народных преступлений и несчастий“ диктовали композиция и специфика глав. Пестрый мир осужденных и сосланных за разные преступления надо было органично вместить в задуманную эпопею арестантской жизни. И выбранная Максимовым форма научного исследования помогла не только объединить калейдоскоп фактов, но и логически выстроить их в повествовательную канву. В дальнейшем, готовя отдельные издания, писатель будет целенаправленно избавляться от «научности» глав второго тома. Для начального же этапа работы это был, безусловно, самый верный путь» [1].

В 1971 г. была опубликована книга С. В. Максимова «Сибирь и каторга» в трех частях. Книга начинается с песни «Милосердной», которую поют бредущие по селениям арестанты. Поют проникновенно, жалостно:

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте нас, невольников,
Заклученных, — Христа ради! —
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте нас, бедных заключенных! [2]

По мнению Максимова, «ни одна русская песня не приурочена так к выражению внутреннего смысла в напеве, ни одна из них не бьет прямо в цель и в самое сердце, как эта песня, выстраданная арестантами в тюрьмах и на этапах» (1, 32). И несут несчастным подаяния, несет каждый, кто может. И автор утверждает, что участие и помощь ссыльным — это чувства исконно русские, которые неизвестны в Западной Европе, что «...чувство благотворения выросло и укрепилось в народе именно в то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова

Сибирь, а для ссыльных людей, таким образом, усложнили страдания, потребовав от них большого запаса сил и терпения» (1, 33).

После значительной доработки Максимов издал свой фундаментальный трехтомный труд «Сибирь и каторга» (1871). Книга содержит научно-документальные и научно-публицистические очерки и состоит из трех частей: «Несчастные», «Виноватые и обвиненные» и «Политические и государственные преступники». Максимов дает описание сибирской каторги, ее истории, политических и уголовных каторжников. Кроме материалов исследовательского характера, большого количества статистических данных, очерки Максимова включают в себя портретные зарисовки обитателей тюрем, картины тюремного быта, фольклорные материалы, пейзажи, авторские рассуждения и умозаключения. Очерковая книга С. В. Максимова строго документальна: в ней называются подлинные имена, фамилии, точные цифры, приводятся сравнительные статистические данные о разного рода преступлениях, убийцах, самоубийцах и пр. Отдельный очерк посвящен языку каторги.

Задавшись целью обстоятельного исследования каторги, писатель не мог оставить без внимания ее язык, который, по авторитетному мнению австрийского доктора юриспруденции Ганса Гросса, «...является естественно-необходимым продуктом природы и культуры этих лиц (заклученных — Н. П.)» [3]. Поэтому Ганс Гросс считал, что нельзя утверждать, что мы проникли в душу преступника, если мы не владеем его языком. Вероятно, по этой причине Максимов уделял очень большое внимание языку каторги. Очень часто жаргонные слова, приводимые Максимовым, характеризуются ярко выраженной экспрессивностью и образностью (*палочная академия* — острог; *горбач* — беглый с котомкой за плечами; *желтая пшеничка* — контрабандное золото; *качалка* — виселица; *каменный мешок* — тюрьма; *тихая милостыня* — мошенничество; *холодная баня* — колодец; *фарм* — счастье; *шури-мури* — арестантские щи; *околпачить* — обмануть и др.), отдельные выражения отличаются даже некоторой поэтичностью и напоминают речевые обороты из

устного народного творчества (*улетел коршун за море* — угнали вора в Сибирь; *волчи гнезда* — разбойничьи притоны; *волна ходит* — за беглым послана погоня; *идти кукушку слушать* или *идти на вести к генералу Кукушкину* — побег из каторги; *красного петуха пустить* — сделать пожар в деревне, которая выдала преступника при побеге — кстати, это выражение бытует и сейчас). Однако по аналогии с высказанным мнением Гросса можно утверждать, что душа человека (равно как и преступника) — в его песне.

Тюремным песням, как и языку каторги, С. В. Максимов посвящает отдельную главу («Прибавление», или «Приложение 1»), где публикует песни, «воспевающие положение человека в той неволе, которая называется каменной тюрьмой» (1, 372).

Максимов подразделяет тюремные песни на «старинные» и «новейшие», причем указывает на то, что «чем песня старше, древнее, тем она свежее и образнее, чем ближе к нам ее происхождение, тем содержание ее скуднее и форма не представляет возможности желать худшей» (1, 373). Лучшие тюремные песни, по мнению Максимова, выходят из цикла разбойничьих песен. «Отдел разбойничьих песен, — замечает писатель, — про удалую жизнь и преследования — один из поэтических и свежих. Там, где кончаются вольные похождения, и запеваётся песня о неволе и возмездии за удалые, но незаказные походы, начинается отдел песен, принятых в тюрьмах, в них возлелеянных, приукрашенных и облюбленных, — словом, отдел песен тюремных. Оттого они и стали таковыми, что в тюрьме кончаются последние вздохи героев и сидят подпевалы и запевалы, рядовые песенники — хористы и сами голосистые составители или авторы песен» (1, 373).

Максимов отмечает, что многие тюремные песни принесены из России готовыми, а уже в Сибири претерпевали изменения. «В России эти произведения народного творчества являются полнее и законченнее, — свидетельствует писатель, — в Сибири случается, что одно цельное произведение дробится на части и каждая часть является самостоятельной, но и при

этом замаскирована до того, что как будто сама по себе представляет самобытное целое» (1, 372).

Максимов говорит о том, что «...арестанты... ничем не брезгают»: «они берут в тюрьму и „песни свободных художников“ (например, Пушкина и Лермонтова), и „песню, сложенную на другом русском наречии“ известным малороссийским разбойником Кармелюком, и даже известные романсы (например, «Не слышно шуму городского»), а там переделывают их по своему».

Писатель останавливает свое внимание и на тех песнях, которым можно было бы «придать название юмористических», если бы они соответствовали тем русским песням, которые поют на воле свободные люди и в которых действительно много юмора. «В тюремных же песнях, — замечает писатель, — веселость и насмешливость приправлены, с одной стороны, значительною долей желчи, с другой — отличаются крайнею безнравственностью содержания: веселость искусственна и неискренна, насмешка сорвалась в одно время с больного и с испорченного до уродства сердца» (1, 421).

Исследователи подразделяют народные песни на балладные («эпические сюжетные песни о драматических событиях социально-бытовой жизни народа»), лирические (о мыслях, чувствах, переживаниях человека), исторические (об исторических событиях и деятелях истории) [4]. Тюремные песни, записанные Максимовым, в основной своей массе можно отнести к балладным и лирическим.

Песню «Съезжает князь Михайло со широкого подворья», которая рассказывает об убийстве невестки свекровью и которая до мельчайших подробностей известна в сибирских тюрьмах, писатель называет «былиной-песней» и считает, что здесь представлен ее «лучший полнейший вариант».

Однако в песне-былине (как в народной сказке) имеют место все составные элементы сюжета в отличие от песни-баллады, где присутствуют только кульминация и развязка действия. Поэтому песню о князе Михайло (которая в народном творчестве бытует под названием «Мать князя

Михайло губит его жену») исследователи В. П. Аникин и Ю. Г. Круглов справедливо относят к жанру баллады [5].

В варианте песни, представленном Максимовым, имеют место анафора («Он пронзает свое сердце, он пронзает ретивое»), постоянные эпитеты («булатный ножик», «сердце ретивое», «матушка родима»), используется форма монолога (монолог матери: «Ахти, злодейка я, согрешила, Три души я погубила: Седе сына, се невестку, се младенца во утробе!»).

Максимов говорит о том, что веселых песен в тюрьме немного, в основном это лирические песни, передающие трагическое мироощущение человека неволи, песни, полные тоски и печали, обращений «к отцу, к матери» («Ох ты, матушка, родной батюшка! Выкупи, выручи доброго молодца, Доброго молодца из темной темницы...»), к «красной девице» («Выкупи, выручи доброго молодца, Ах ты, душечка — красная девица, ты, прежняя моя полюбовница!»), к живой природе («Ты воспой, воспой, Жавороночек, На крутой горе, На проталинке. Ты утешь-ко, утешь меня молодца, Меня молодца Во неволюшке, Во неволюшке В каменной тюрьме...»); или: «Уж ты, гулинька мой голубочек, Сизокрылый ты мой воркуночек! Отчего ко мне, гулинька, в гости не летаешь? Разве домичька моего ты не знаешь?»), к силам природы («Ты возмой, возмой, туча грозная, Ты разбей-ка, разбей земляны тюрьмы» (последние слова взяты из песни «Не рябинушка со березонькой совивается», приписываемой «удалым шайкам Степана Тимофеевича» (Разина — Н. П.)).

Максимов неоднократно обращается к народным песням, которые становятся своеобразным источником, «из которого вытекала и новая песня тюремная». Так, например, он представляет для образца старинную песню, записанную в Саратовской губернии, «Еще сколько я, добрый молодец, не гуливал», которую следует отнести к разряду лирических песен. Начинается она с зачина:

Еще сколько я, добрый молодец, не гуливал,
Что не гуливал я, добрый молодец, не нахаживал,
Такого я чуда-дива не нахаживал.

И далее здесь, как и во многих лирических песнях, встречается так называемый прием ступенчатого сужения образов, описанный Б. М. Соколовым [6], суть которого заключается в смене художественных деталей (или образов) в последовательности от большего к меньшему:

Как нашел я чудо-диво в граде-Киеве:
Среди торгу-базару, середь площади,
У того было колодечка глубокова,
У того было ключа-то подземельнова;
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечка у перильчата...

Затем в песне с многочисленными повторами сообщается о том,

...как бьют-то добра молодца на правеже,
Что на правеже его бьют,
Что нагова бьют, босова и без пояса,
В одних гарусных чулочках-то, без чоботов:
Правят с молодца казну да монастырскую...

Картина появления на месте действия проезжающего мимо царя построена на основе антитезы:

Из-за гор-то было гор, из-за высоких,
Из-за лесу-то было лесочку, леса темново,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнушко выкатается:
Выкаталась бы там карета красна золота,
Красна золота карета — государева.
Во каретушке сидел православный царь,
Православный царь Иван Васильевич.

Итак, на месте наказания неожиданно появляется «православный царь Иван Васильевич», которому «случилось... ехать посередь торгу», он-то и требует от молодца ответ держать («Еще с кем ты казну крал, с кем разбой держал?»), а «добрый молодец» отвечает царю:

— Я скажу тебе, надежа-православный царь,
Я скажу тебе всю правду и всю истину,

Что не я-то казну крал, не я разбой держал:
Уж как крали-воровали добры молодцы,
Добры молодцы, донские казаки.

Лирический герой признается царю, что казну, которая досталась ему от испугавшихся и сбежавших казаков, он положил «во большой-то дом, в царев кабак».

Так называемый тюремный вариант этой песни, которую приводит Максимов, уже не имеет поэтического зачина, который есть в предыдущем варианте, а начинается сразу с изображения действия:

Били добраго молодца на правеже,
На жемчужном перехрестычке
Во морозы во хрещенские
Во два прутика железные...
Обвиняют «добра молодца» в том, что
Он покрал... Миколу-ту Можайскова
И унес казны сорок тысячей.

И в этой тюремной песне на месте наказания («на правеже») также появляется царь, только здесь это православный царь Петр Алексеевич, и приехал он сюда уже не случайно, а специально к наказываемому («Наезжал к нему православный царь...»). И если в первой песне вопросы царя обращены к самому «доброму молодцу» («Ты скажи-скажи, детина, правду-истину: Еще с кем ты казну крал, с кем разбой держал? Если правду ты мне скажешь — я пожалую, Если ложно ты мне скажешь — я скоро сказню...»), то в тюремной песне царь обращается вначале к «мужикам приходским, осуществляющим наказание» («Вы за што добротнова казните? Бьете-казните казнью смертною?»), а затем только к «доброму молодцу» и только с одним вопросом («Ты куда казну девал?»).

Ответ героя царю является свидетельством того, как заметно криминализируется сюжет в тюремной песне:

Ломал я, молодчик, мостовиночку дубовую,
Перебил я мужиков до полу-смерти,
Иных прочих чуть живых пустил.
И взял я у них золоту казну.

Конец в обеих песнях одинаков: лирический герой тюремной песни, как и его предшественник, «золоту казну»

Прогулял... во кружале
Со голытьбою со кабацкою.

Примечательно, что и в тюремной песне сохраняются поэтические атрибуты народной песни: постоянные эпитеты («добрый молодец», «горючи слезы», «русы кудри»), антитеза («не золотая трубынька вострубил, не серебряна сыновочка возыграла, тут возговорил царь Петр Алексеевич»), обращение («Уж ты гой еси, православный царь, православный государь Петр Алексеевич»), которое в тюремной песне встречается три раза, в отличие от предыдущего варианта песни, где оно звучит только один раз.

Максимов приводит и еще один вариант этой тюремной песни, которую он называет «прекрасной» и у которой былинный зачин:

Из-под цветика да каменной Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Как из той ли тюрьмы да ведут молодца,
Ведут молодца да ведь ко вешанью.

Героя песни — «добраго молодца» (читай — преступника, разбойника) характеризуют постоянные эпитеты: «буйная головушка», «русые кудерки», «белы рученьки», употребляемые с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Здесь навстречу молодцу также идет православный царь, который вопрошает: «Ты скажи-ко, скажи мне, добрый молодец, Скажи: с кем ты воровал, с кем разбой держал?». Виновными, как и в предыдущем варианте, оказываются донские казаки. «Воровали-то твои да донски казаки», — отвечает царю «добрый молодец».

Одной из характерных особенностей тюремных лирических песен являются трагические мотивы. В этих песнях ярко выражены чувства, мысли, переживания человека, попавшего в неволю, и отсюда — сочувствие этому несчастному. Трагические мотивы ощутимо прослеживаются в песнях, где оплакивается горькая судьба невольников.

Приводя примеры арестантских песен, С. В. Максимов высказывает следующее мнение: «Несомненно, что сочинение этих песен принадлежит каким-нибудь местным пиитам, которые пустили их в толпу арестантов и занесли таким образом в цикл тюремных песен. Не задумались и арестанты принять их в руководство: благо песни в некоторых стихах близки к общему настроению духа, намекают (не удовлетворяя и не раздражая) о некоторых сокровенных думам и, пожалуй, даже гадательно забегают вперед и кое-что разрешают» (1, 408).

В числе тюремных песен писатель называет хорошо известную в Нерчинских тюрьмах песню «Славное море — привольный Байкал!», которая текстуально во многом совпадает с широко известной сегодня в народе песней «Славное море — священный Байкал!» [7] и которая, по мнению Максимова, обладает «некоторым достоинством и даже искусством, обличающим опытного стихотворца» (1, 409) — ее автора.

И, представив в книге текст песни, Максимов далее пишет: «Вот, стало быть, и барин какой-то снизошел подарком и написал арестантам стихи, на манер столичного способа...» (1, 411).

Максимов не ошибся в своих предположениях: действительно, автором стихотворения «Славное море — привольный Байкал!» был Дмитрий Павлович Давыдов [8], родившийся в 1811 г. в сибирском городе Ачинске Енисейской губернии в семье гидрографа П. Давыдова, близкого родственника героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова.

В 1857—1858 гг. Давыдов опубликовал в петербургской газете «Золотое руно» целый ряд своих стихотворений, среди которых было и стихотворение «Думы беглеца на Байкале».

«С появлением стихотворений Давыдова в «Золотом руно», — пишет исследователь И. Г. Ямпольский, — ясно обозначились характерные черты его поэзии: сибирская тематика, сочувственное отношение к трудовому люду народов Сибири, глубокий интерес к их быту и языку, легендам, преданиям, песням, к историческому прошлому и природе Сибири» [8, с. 653].

Д. П. Давыдов был образованнейшим человеком своего времени, человеком с широким кругом интересов: он был лингвистом, фольклористом, краеведом и этнографом. В 40-х гг. XIX в. участвовал в работе сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа, который в докладной записке в Академию наук высоко оценил результаты геотермических и метеорологических наблюдений Д. П. Давыдова. О научных работах Д. П. Давыдова, опубликованных в изданиях Русского Географического общества, в своем сочинении «Космос» упоминает знаменитый немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт.

Произведение такого автора попало на сей раз в руки тюремных «пиитов» и подверглось их «обработке». Справедливости ради надо отметить — незначительной: тексты песен Д. П. Давыдова и приведенные С. В. Максимовым отличаются мало, что, впрочем, можно отнести на счет устной передачи песенного текста.

Максимов называет эту песню «обращиком туземного (местного — Н. П.), сибирского творчества». Поэтому, по его мнению, ее «...подцветили даже местными словами для пущего колорита». Так, Максимов пишет: «...является омулевая бочка — вместилище любимой иркутской рыбы — омуля, во множестве добываемой в Байкале и в соленом виде с достоинством заменяющей в Сибири голландские сельди; слышится баргузин — как название северо-восточного ветра, названного так потому, что дует со стороны города Баргузина и замечательного тем, что для нерчинских бродяг всегда благоприятный, потому что попутный. Наталкиваемся в этой песне на Акатуй — некогда страшное для ссыльных место, ибо там имелись каменные мешки и ссыльных сажали на цепь, Акатуй — предназначавшийся для безнадежных, отчаянных и почему-либо опасных каторжников. В середине песни вплываем мы и в реку Карчу — маленькую, одну из 224 речек, впадающих в замечательное и знаменитое озеро-море Байкал» (1, 409).

Однако зная о том, что автором стихотворения является Д. П. Давыдов, т. е. конкретный автор, можно говорить, что так называемые «местные слова» являются в песне вовсе не для придания

ей «пущего колорита», по выражению Максимова, а просто сама песня, созданная опытным стихотворцем в местных условиях, отразила настроение и мироощущение человека неволи, в частности, узника Акатуйской тюрьмы, вырвавшегося на свободу, и соответственно мир природы, его окружающей, с присущими этому миру географическими названиями.

Чувства лирического героя песни нам помогают понять слова писателя-народовольца П. Ф. Якубовича, отбывавшего срок в Акатуйской уголовной тюрьме. 5 ноября 1892 г. он писал украинскому поэту П. А. Грабовскому: «Все мне здесь ненавистно, начиная со стен тюрьмы, в которых погребено столько страдающих, и с окружающих их монотонных сопок... и кончая людьми, кончая самим собою...»

Проклятый Акатуй! — и благо тому, кто избежит его когтей, высасывающих лучшую кровь из сердца, сушащих мозг и обессиливающих душу» [9].

Отсюда понятными становятся и слова первой строки этой песни: «Славное море — *привольный* (курсив мой — Н. П.) Байкал!», в отличие от слов народной песни («Славное море — священный Байкал!»): человеку, вырвавшемуся на волю из цепких «когтей» Акатуя, именно «привольный Байкал» видится как «славное море», а «омулевая бочка» — «славным кораблем» («Славный корабль — омулевая бочка!»).

Оправданы здесь и слова второго куплета, передающие чувства невольника: «Долго я звонкие цепи носил, *Худо* мне было в *норах* Акатуя» (у Максимова: «*Душно* мне было в *горах* Акатуя» — Н. П.), в отличие от слов бытующей ныне народной песни, где запечатлены только события («Долго я тяжкие цепи носил, Долго скитался в горах Акатуя...»).

В народной песне не сохранились строки, повествующие об испытаниях, выпавших на долю беглеца, которые есть в оригинале:

Весело я на сосновом бревне
Влавь чрез глубокие реки пускался.
Мелкие речки встречались мне —
Вброд через них пробирался.

Несомненно, герой чувствует себя счастливым при виде «бочки, дресвою замытой», которая становится его «кораблем» («Нечего думать — Бог счастье послал: В этой посудине бык не потонет»). Чувства вырвавшегося на волю человека, его страшные воспоминания об Акатуйской тюрьме помогают понять и слова, также не вошедшие в народный, современный вариант песни:

Тесно в ней (в бочке — Н. П.)
Было бы жить омулям —
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам, —
В бочку полезли бы сами!

Что же касается упоминания в тексте песни, записанной Максимовым, маленькой сибирской речушки Карчи («Шел я Карчой и дошел наконец к бочке, дресвою замытой»), то в оригинальном варианте Д. П. Давыдова слово «Карча» отсутствует, строки же эти звучат так:

...Шел я коргой и пришел наконец
К бочке, дресвою замытой.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля среди нескольких значений слова «корга» (ворона, старуха, подводный камень, гряда, риф и т. д.) называется также «каменистый отлогий берег» и указывается, что в таком значении слово «корга» встречается в сибирских говорах.

Д. П. Давыдов, хорошо знавший местные наречия, верно употребляет это слово: «шел я коргой», т. е. шел каменистым отлогим берегом, а слово «Карча» как название речки появляется уже в варианте, доработанном так называемыми тюремными «умельцами», которые, по словам С. В. Максимова, «переделявают по-своему» даже произведения известных поэтов и которым, возможно, было незнакомо местное словечко «корга», поэтому они заменили его на название известной в той местности речки.

О том, что приведенный Максимовым текст песни неточно скопирован с оригинала, свидетельствует и то, что именно в «давыдовском варианте» мы находим в завершенном виде

концовку песни («Четверо суток верчусь на волне, Парусом служит армяк дыроватый, Добрая лодка попалася мне, — Лишь на ходу мешковата. Близко виднеются горы и лес, Буду спокойно скрываться под тенью, Можно и тут погулять бы, да бес тянет к родному селенью»), которая у Максимова, вероятно, записывающего песню в арестантской среде со слуха, приводится неполностью («Четверо суток ношусь по волнам, Парусом служит армяк дыроватый, Близко виднеются горы и лес: Мог погулять бы и здесь, да бес тянет к родному селенью»), так как «песельники» из арестантов могли не знать или не помнить заключительных строк исполняемой ими песни.

Несомненно одно: песня, созданная Д. П. Давыдовым и услышанная С. В. Максимовым в одной из сибирских тюрем, послужила основой для широко известной сегодня песни «Славное море — священный Байкал!», заслужившей

любовь и признание народа и поэтому получившей название «народной».

Сорок восемь тюремных сибирских и русских песен (старинных и новых) с вариантами и пояснениями приводит в своей книге «Сибирь и каторга» замечательный русский писатель Сергей Васильевич Максимов, называя творцов тюремных песен («окаянного грабителя» Ваньку Каина, «разбойника Гусева», «страшного... разбойника» и «отличного песельника» Горкина, «известного малороссийского разбойника Кармелюка» и др.) и сопровождая подробным комментарием почти каждую песню.

Таким образом, мы видим, как отличное знание Максимовым тюремного фольклора и языка арестантов помогает писателю глубоко проникнуть в душу «заключенников русских тюрем», постичь их характер, а также зримо и образно воссоздать нравы и обычаи русской каторги XIX столетия.

Список библиографических ссылок

1. Щербакова М. И. Проза С. В. Максимова (Текстология и вопросы поэтики): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1977. С. 216.
2. Максимов С. В. Сибирь и каторга: в 3-х ч. СПб., 1871. Ч. 1. С. 29. Далее все ссылки по этому изданию произведены в тексте с указанием тома и страницы.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. 412.
4. Аникин В. П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество. Л., 1987. С. 293, 300, 318.
5. Аникин В. П., Круглов Ю. Г. Указ. соч. С. 295—296.
6. Соколов Б. М. Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1.
7. Русские народные песни. Мелодии тексты. М., Музыка, 1987. С. 7.
8. Сведения о Д. П. Давыдове взяты из биографической справки И. Г. Ямпольского «Д. П. Давыдов» // Поэты 1860-х годов. Л., 1968. С. 649—654.
9. Из переписки П. Ф. Якубовича // Русское богатство. 1912. № 5. С. 44—45.

© Н. С. Прокурова, 2011